

АГРАРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК НАСЛЕДИЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ AGRICULTURAL LANDSCAPE AS HERITAGE IN NATIONAL POLICY

Мазуров Ю.Л.
Mazurov Yu.L.

e-mail: jmazurov@yandex.ru

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. В публикации утверждается, что аграрный ландшафт – это не только условие развития производительных сил, но и важный компонент культурного наследия. В этом качестве названное понятие органично входит в национальную политику стран, активно содействуя решению насущных экономических и социальных проблем. В России немало ценных аграрных ландшафтов, соответствующих статусу наследия. Выявление таких объектов, наряду с целенаправленным их формированием, а также обеспечение им государственной и общественной поддержки могло бы содействовать становлению эффективной национальной политики в сфере наследия.

Abstract. The publication argues that the agrarian landscape is not only a condition for the development of productive forces, but also an important component of cultural heritage. In this capacity, the named concept organically enters into the national policy of countries, actively contributing to the solution of pressing economic and social problems. There are many valuable agricultural landscapes in Russia that correspond to the status of heritage. The identification of such objects, along with their purposeful formation, as well as the provision of state and public support for them, could contribute to the formation of an effective national policy in the field of heritage.

Ключевые слова: ландшафт, аграрный ландшафт, наследие, национальная политика.

Keywords: landscape, agricultural landscape, heritage, national policy.

Введение. Понятие ландшафта, как и многие другие фундаментальные категории сферы познания, предполагает наличие множества аспектов его интерпретации. Одним из наиболее значимых таких аспектов является восприятие ландшафта как наследия, т.е. феномена, сопровождающего развитие цивилизации в качестве ценностного атрибута среды жизни народов. В этом качестве названное понятие органично входит в национальную политику стран [4]. В том числе даже тогда, когда понятия ландшафт, наследие и национальная политика еще не стали частью профессионального лексикона.

В подтверждение сказанному обратим внимание на традиционное использование ландшафтной символики в государственных гербах – важнейших национальных символах. Натуралистичное или условное отображение характерных ландшафтов или их знаковых компонентов можно увидеть на гербах многих советских и постсоветских республик, а также стран дальнего зарубежья – Словакия, КНДР, Эквадор и др. То же самое усматривается на гербах множества городов мира, в том числе – российских. Размещение ландшафтов на гербах и иных символах государственной власти (иконы, государственные печати, денежные банкноты и т.п.) демонстрирует закономерную связь населения со своим «кормящим ландшафтом» (Л.Н. Гумилёв), приверженность его материальным и духовным ценностям, трансформируя образы естественной среды жизни социума в смысловую категорию наследия.

Симптоматичен и другой пример вхождения ландшафтной тематики в национальную политику. Он связан с формированием Списка всемирного наследия в рамках принятой в 1972 г. Конвенции ЮНЕСКО о всемирном культурном и природном наследии (КВН). Известно, что по состоянию на начало 2023 г. в этом престижном списке значится 127 объектов, относящихся к категории культурного ландшафта в 65 странах мира. К ним смело можно добавить по меньшей мере половину находящихся в том же списке объектов природного и смешанного наследия, представляющих из себя выдающиеся по своей ценности естественные (природные, девственные и т.п.) ландшафты, как правило в пределах особо охраняемых природных территорий или их локальных групп.

Помимо КВН проводниками ландшафтной политики в мире выступает еще целый ряд глобальных и региональных нормативных документов. Особое место среди них занимает принятая в 2000 г. Ландшафтная конвенция Совета Европы – первое в мире региональное соглашение по ландшафтной политике, в преамбуле которой сказано, что «ландшафт ... является базовым компонентом европейского природного и культурного наследия» [2]. Об активной поддержке этой конвенции и заинтересованности в эффективной ландшафтной политике на национальном уровне убедительно свидетельствует история её более, чем 20-летней имплементации 40 странами.

Россия, не будучи участницей Ландшафтной конвенции, проводит свою суверенную ландшафтную политику, основанную на собственном понимании её смыслов и связей с другими направлениями национальной политики. Вместе с тем, для России, как и для стран Европы, а также стран-лидеров в этой сфере других регионов мира (Япония, Китай, Сингапур, Канада и т.д.) характерно видение проблематики ландшафтов в системе понятий природного и культурного наследия. При этом, в названной проблематике выделяется ряд особо актуальных направлений, одним из которых является расширение круга объектов ландшафтного многообразия, требующих особого общественного внимания и государственной поддержки. Мы полагаем, что в качестве такого рода приоритетов должны рассматриваться особо ценные аграрные ландшафты страны.

Аграрные ландшафты как ценностная категория. Аграрные или сельские ландшафты занимают достойное место в Списке всемирного наследия – более трети из числа относящихся к категории культурного ландшафта в 31 стране мира. Все они – истинные шедевры сотворчества человека и природы, свидетельствующие о социальном развитии и духовной жизнеспособности человечества. При этом уникальные сельские ландшафты продолжают выполнять свои первоначальные сугубо прагматические функции по обеспечению качественными продуктами питания и другой аграрной продукцией без ущерба для состояния сельскохозяйственных угодий. В подтверждение сказанного приведем примеры артефактов наиболее выдающихся систем землепользования как части всемирного исторического наследия (из числа лично обследованных автором).

Одним из наиболее известных и популярных объектов всемирного наследия на территории Швейцарии (кантон Во, Романдия) являются *Террасовые виноградники Лаво* (с 2007 г.). Ландшафт этого объекта всемирного наследия на северном берегу Женевского озера поражает воображение во все сезоны года, привлекая к себе огромное число туристов. Не случайно изображение этого ландшафта присутствует на купюре в 200 франков (Рис. 1).

Рис. 1. Ландшафт виноградников Лаво на швейцарской банкноте

Однако, объектом всемирного наследия виноградники Лаво стали отнюдь не в связи с их эстетическим достоинствами. Правительством этой страны они были номинированы во всемирное наследие как уникальный пример многовекового взаимодействия человека и окружающей среды, ориентированного на оптимальное использование местных ресурсов для производства высококачественной сельскохозяйственной продукции. В данном случае – вина, которое здесь очень ценится и играет важную роль в экономике края.

Виноградники Лаво номинированы по трем критериям: iii (демонстрация культурных традиций исчезнувших или современных цивилизаций), iv (уникальные здания или архитектурные ансамбли, включая ландшафт) и v (яркий пример традиционного поселения или системы землепользования). Существенно и то, что при включении объекта в престижный список всемирного наследия было учтено, что *«местные общины активно поддерживают меры в защиту природы, стремясь тем самым противостоять угрозе галолирующей урбанизации»*.

Другим показательным примером такого рода может служить индонезийский объект *«Культурный ландшафт провинции Бали: система субак (Subak) как проявление философии Три Хита Карана»* (2012 г.). Субак – это традиционная система методов ведения сельского хозяйства (производства риса на террасах) на основе управления водными ресурсами, сформировавшая современный ландшафт острова Бали (Рис. 2). Считается, что именно эта система позволила балийцам стать самыми успешными производителями риса на архипелаге.

Субак был включен во всемирное наследие по четырем критериям: ii (уникальные объект архитектуры, монументального искусства, градостроительства, а также особо ценные участки культурного ландшафта), iii (см. выше), v (см. выше) и vi (демонстрация современных идей, верований, течений в искусстве, живых традиций человечества).

Список подобных объектов во всемирном наследии может быть значительно продолжен. Как отмечается на сайте Центра всемирного наследия *«Они являются частью нашей коллективной идентичности»**. Ценность этих объектов состоит в том, что они отражают историю природопользования в мире, наглядно демонстрируют уникальные формы адаптации хозяйства к местным природным условиям, гарантируют и поддерживают биологическое разнообразие. Нередко они ассоциируются в сознании населения с верованиями, художественными традициями и обычаями, воплощают исключительную духовную связь людей со своей естественной средой жизни.

Отмеченные выше особенности характерны для многих стран мира, имеющих давние аграрные традиции. Очевидно, что в первую очередь это страны древнейших очагов земледелия в Южной Азии,

* Раздел "Cultural landscapes" <http://whc/en/culturallandscape>

на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, а также страны интенсивного развития сельского хозяйства в новое и новейшее время. Ожидаемо и закономерно поэтому присутствие во всемирном наследии таких лидеров по части выдающихся аграрных ландшафтов как Франция, Италия, Португалия, Китай и Индонезия. Однако парадоксально, что среди них пока ещё нет России – страны с огромным потенциалом сельскохозяйственных угодий и лидере по целому ряду отраслей аграрной сферы.

Рис. 2. Ландшафт системы субак на острове Бали. Фото автора

Особо ценные аграрные ландшафты России. Несмотря на бурное развитие индустрии в XX веке Россия до сих пор воспринимается как страна преимущественно девственной природы, как пространство естественных ландшафтов. Именно ими она и представлена, прежде всего, в Списке всемирного наследия (номинации «Девственные леса Коми», «Ландшафты Даурии» и т.п.). С российскими культурными ландшафтами в названном Списке ситуация неоднозначная и, в любом случае, не отражающая реальное положение дел в этой сфере и, в особенности, с особо ценными аграрными ландшафтами. Несомненно, что они в стране есть, но уровень осознания этого факта пока ещё далеко не соответствует национальным интересам.

Вместе с тем, похоже, что отмеченная ситуация буквально в последнее время (с 2015 г.) меняется к лучшему. В России наблюдается беспрецедентный по своим параметрам ренессанс виноделия, вызвавший к жизни появление значительного числа винных брендов самого высокого уровня, сравнимых по своим достоинствам с продукцией наиболее известных винодельческих регионов мира (Бордо, Шампань, Долина Рейна, Токай, Пьемонт и др.). В 2022 г. уже зарегистрирована первая в стране винодельческая зона «Долина Дона». Есть основания полагать, что в ближайшее время к ней добавятся еще шесть заявивших о себе зон ЗГУ (ареалов производства вин *защищенного географического указания*). Их называют «предтечами российских апелласьонов», будущими аналогами европейских АОП (АОС/ДОС). Мы полагаем, что эти ареалы – наиболее очевидные претенденты на приобретение статуса особо ценных аграрных ландшафтов страны, а в перспективе – и претендентов на место в Списке всемирного наследия.

Помимо формирующихся в стране апелласьонов и терруаров вероятными претендентами на статус особо ценных земледельческих культурных ландшафтов могут рассматриваться территории разного рода проектов преобразования природы. В процессе их реализации формировались хозяйственные культурные ландшафты местного и регионального масштаба. Среди них немало и тех, которых с полным правом можно отнести к категории «Эталон эффективности природопользования» (по классификации В.А. Николаева). Особое место среди подобных проектов принадлежит *Сталинскому плану преобразования природы* – одному из самых амбициозных в мировой истории и, как показали прошедшие с того времени годы, одному из самых результативных [1, 3].

Суть плана состояла в целенаправленной трансформации аграрных ландшафтов для обеспечения их оптимальной эффективности за счет научно обоснованных системных мелиоративных мероприятий. Так случилось, что многолетняя программа этого проекта не была реализована полностью. Однако, даже в такой ситуации этот проект оставил после себя своего рода историческое наследие. Одним из проявлений такого наследия стали преобразованные на огромных территориях степные ландшафты с такими их знаковыми элементами как лесные полосы и водоемы (Рис. 3).

Эти ландшафты безошибочно определяются с земли и при наблюдении с воздуха, четко просматриваются на аэрофотоснимках и снимках из космоса. Но, главное, они обеспечивают агрохозяйственную стабильность соответствующих регионов, убедительно демонстрируя преимущества научно обоснованной культуры природопользования [5].

Обладея чертами объектов природно-культурного наследия эти ландшафты, за редким исключе-

нием, не имеют соответствующего статуса. Однако они, несомненно, его заслуживают ввиду их ценности, отражающейся в следующих особенностях:

- сформировавшиеся в результате реализации Сталинского плана агроландшафты обладают устойчивой хозяйственной и высокой историко-культурной ценностью;
- свою высокую хозяйственную ценность они демонстрируют уже на протяжении более 70 лет, что обеспечивает признание эффективности сформированных ими систем землепользования;
- историко-культурная ценность этих ландшафтов основана на синтезе местных аграрных традиций с научно обоснованными инновациями;
- сформировавшаяся в процессе формирования прогрессивных систем землепользования культура ведения хозяйства востребована в современных условиях и в перспективе, особенно в связи с происходящими изменениями климата.

Рис. 3. Наследие Сталинского плана преобразования природы. Фото из сети Интернет

Названные особенности дают основание считать артефакты рассматриваемого проекта сформировавшимся феноменом наследия как материального (выдающиеся по своей продуктивности системы природопользования), так и нематериального (основанный на научном обосновании В.В. Докучаева и других отечественных ученых опыт ведения эффективного природопользования). При этом речь может идти как об объектах культурного наследия национального уровня, так и о предложениях по внесению особо выдающихся культурных ландшафтов в Список всемирного наследия.

Заключение. Сталинский план преобразования природы воспринимается в наше время как выдающееся событие в истории природопользования в России. Этот план оставил после себя многочисленные ценные артефакты, своего рода наследие научных идей великих ученых и грандиозного проекта. Однако судьба этого плана оказалась драматической, он был фактически свёрнут без каких-либо разумных оснований. В то же время его история весьма поучительна. Этот план во многом предвосхитил появление отечественной концепции рационального природопользования и, в определенной степени, западной концепции устойчивого развития.

В стране имеется немало и иных особо ценных аграрных ландшафтов, объективно соответствующих статусу объектов культурного или смешанного наследия. Выявление таких объектов, наряду с целенаправленным их формированием, приданием им статусов наследия, а также обеспечение государственной и общественной поддержки могло бы стать важными направлениями национальной политики в сфере наследия. Особенно это актуально для нашего времени – эпохи перехода к «зеленой» экономике как основному условию устойчивого развития.

Литература

1. Голубчиков Ю.Н. Первая в мире глобальная агро-экологическая программа. В кн.: Эколого-географические исследования в речных бассейнах: Материалы пятой всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж, 2018. С. 145-148.
2. Кулешова М.Е. Культурные ландшафты, их место в списке Всемирного наследия и перспективы Российского представительства. Наследие и современность. 2018; 1(4): 111–130.
3. Саушкин Ю.Г. Великий план преобразования природы. В кн.: Вопросы географии. Сборник 28. Задачи физической географии в связи с великими стройками коммунизма. – М.: Географгиз, 1952. С. 11 – 41.
4. Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. Отв. ред. Ю.Л. Мазуров. – М.: Институт Наследия, 1994.
5. Шипунов Ф. Докучаевские «бастионы». В кн.: Чувство земли: Советские ученые и писатели об охране родной природы, об экологии хозяйствования / Сост. Ю. Мазуров – М.: Мысль, 1988. С. 22-74.